

Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, 100–113 (in Russian).

Toporkov, A. L. 1985. In Ivanov, V. V. (ed.). *Balto-slavijskije etnokul'turyje i arkeologičeskie drevnosti. Pogrebal'nyj obryad. (Balto-Slavic ethnocultural and archaeological antiquities. Funeral rite)*. Moscow, 87–88 (in Russian).

Tumajkin, V. P. 1976. In Kuzeev, R. G., Bikbulatov, N. B. (eds.). *Etničeskaia istoriia narodov Urala i Povolzh'ia (preprinty dokladov i soobshhenii) (Ethnic history of the peoples of the Urals and the Volga region (preprints of reports and messages))*. Ufa: Bashkiria Branch of the USSR Academy of Sciences, 42–43 (in Russian). (in Russian).

Usachuk, A. M., Gorbov, V. M., Zvagelskyi, V. B. 1995. In *Poltavskiy arkeologichnyi zbirnyk (Poltava Archaeological Collection)*. 3. Poltava, 199–214 (in Ukrainian).

Usachuk, A. M., Grib, V. K. 2018. In *Donetskii arkeologicheskii sbornik (Donetsk Archaeological Collection)*. 21, 192–205 (in Ukrainian).

Usachuk, A. N. 1993. In Posrednikov, V. A. (ed.). *Donetskii arkeologicheskii sbornik (Donetsk Archaeological Collection)* 3. Donetsk: “Avers Co LTD” Publ., 42–52 (in Russian).

Usachuk, A. N. 2012a. In Vdovin, A. S., Tunkina, I. V. (eds.). *Evrasiiskii arkeologo-istoriograficheskii sbornik (Eurasian Archaeological and Historiographic Collection)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg Filial Archive of the Russian Academy of Sciences. Krasnoarsk: Krasnoarsk State Pedagogical University Publ., 93–103 (in Russian).

Usachuk, A. N. 2012b.. In *Arkeologiiia i davnia istoriia Ukraini (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 9. Kiev: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, 315–324 (in Russian).

Usachuk, A. N. 2019. In Bessudnov, A. A., Zakharova, E. Yu. (eds.). *Verkhnedonskoi arkeologicheskii sbornik (Upper Don Archaeological Collected Articles)* 11. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical P.Semenov-Tyan-Shansky University, 487–508 (in Russian).

Usachuk, A. N., Kolesnik, A. V. 2012. In *Litopys Donbasu (Chronicle of Donbass)*. 20, 4–25 (in Russian).

Usachuk, A. N., Kolesnik, A. V. 2015. In Kuznetsova, D. P., Pyzhova, O. V. (eds.). *Grani humanitarnogo znaniia. Sbornik statei k 60-letiyu professora Sergeia Pavlovicha Shchhaveleva (Facets of humanitarian knowledge. Collection of articles dedicated to the 60th anniversary of Professor Sergei Pavlovich Shchhavelev)*. Kursk: Kursk State Medical University, 379–385 (in Russian).

Franko, A. D., Franko, O. O. 2013. In *Visnyk Instytutu arkeologii (Bulletin of the Institute of Archeology)*. 8, 75–81 (in Ukrainian).

Frolov, V. 1990/1991. In *Pamiatky Ukrainy (Sights of Ukraine)*. 4'90/1'91, 35–39 (in Ukrainian).

Khodak, I. 2007. In *Studii mystetstvoznachchi. Arkhitektura. Obrazotvorche ta dekoratyvno-uzhytkove mystetstvo (Art Studies. Architecture. Fine and decorative arts)*. 3 (19). Kyiv: IMFE, 63–73 (in Ukrainian).

Chesnokov, V. I. 1933. *Proizvodstvo derevyannykh lozhek (Manufacture of wooden spoons)*. Moscow; Leningrad: All-Union Co-op. unite. publishing house (in Russian).

Sharapova, N. S. 2001. *Kratkaia entsiklopediia slavyanskoi mifologii (A Brief Encyclopedia of Slavic Mythology)*. Moscow: LLC «Publishing house of AST»; Astrel Publishing House LLC; LLC «Russkie slovari» (in Russian).

Shchaveliev, S., Zvahelsky, V. 1992. In *Chervonyi Promin (Red Ray)*. February 1. (5). 6–7 (in Ukrainian).

Yavornytskyi, D. I. 1990. *Istoriia zaporozkykh kozakiv (History of the Zaporozhian Cossacks)*. 1. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Ukrainian).

Hansson, H. 1927. *Gotlands bronsålder / Kungliga Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar (Gotland's Bronze Age / Royal History of Knowledge and Documents of the Academy of Antiquities)*. 37:1. Stockholm (in Swedish).

About the Authors:

Usachuk Anatolii N. Candidate of Historical Sciences, Senior Research Associate of Donetsk Regional Museum of Local Lore Chelyuskintsev 189-a, Donetsk, 283048, Ukraine; doold@mail.ru

Grib Vladimir K. Donetsk Center of the A. Krymsky Institute of Oriental Studies. Artem Str., 129A, Donetsk, 346330, Ukraine; vladgrib@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.
Статья принята к публикации 01.10.2021 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.

Биографии и судьбы ученых

УДК 902

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.5.145.152>

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ КАЗАНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – XX ВВ.

© 2021 г. К.А. Руденко

В статье рассматриваются вопросы, связанные с гендерной ситуацией в казанской археологии на протяжении второй половины XIX – и всего XX века. До 1917 года в российской археологии женского участия практически не было. Единственным исключением была графиня П.С. Уварова, а перед Первой мировой войной начала археологическую деятельность В.В. Гольмстен, ученица одного из знаменитых российских археологов В.А. Городцова. В Казани, где было много общественных организаций и краеведческих обществ, функционировавших в последней четверти XIX века – первом десятилетии XX века, женщин-археологов не было. Феминная археология в Казани стала формироваться только в советское время. Эта ситуация была обусловлена предоставлением женщинам в СССР социальных и гражданских прав и снятий ограничений на получение образования. Важнейшим фактором была и демографическая ситуация в СССР после двух мировых войн и Гражданской войны. Автор выделяет три этапа казанской феминной археологии: первый – 1918–1937; второй – 1938–1950 и третий – 1960–1990-е. Все они связаны с деятельностью трех выдающихся археологов: В.Ф. Смолина, А.П. Смирнова и А.Х. Халикова. На первом этапе сформировалось первое студенческое поколение женщин-археологов: З.А. Акчурина, А.М. Ефимова, Л.И. Вараксина, родившееся в атмосфере революционного энтузиазма. На втором этапе, в основном уже в послевоенные годы, археологией продолжили заниматься, но уже на профессиональном уровне З.А. Акчурина, А.М. Ефимова и О.С. Хованская, учившаяся у археолога В.В. Гольмстен. Наставником и научным руководителем их был московский археолог А.П. Смирнов, почти ровесник по возрасту. Ему удалось создать уникальный коллектив, который в дальнейшем пополнился молодыми участниками – студентками послевоенного поколения Т.А. Хлебниковой и Н.Д. Аксеновой. Именно они продолжили и укрепили казанскую феминную археологию, хотя на третьем этапе она отошла на второй план, вытесненная целенаправленным утверждением маскулинной основы археологии в ТАССР. Но при этом число женщин-археологов в казанской археологии было достаточно большим, что, по мнению автора, отражало те же демографические последствия Второй мировой войны. Одной из особенностей казанской феминной археологии этого периода стало гендерное ученичество.

Ключевые слова: археология, казанская археология, гендерные исследования в исторической науке, болгаристика, феминная археология, А.П. Смирнов, А.Х. Халиков, О.С. Хованская, А.М. Ефимова, Булгар.

GENDER ASPECTS OF KAZAN ARCHAEOLOGY IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – 20TH CENTURIES

K.A. Rudenko

The paper discusses the issues related to the gender situation in Kazan archaeology during the second half of the 19th and the entire 20th century. Until 1917, there was practically no female participation in Russian archaeology. The only exception was Countess P.S. Uvarova, and before the First World War - V.V. Gholmsten, a student of one of the renowned Russian archaeologists V.A. Gorodtsov. In Kazan, where there were many public organizations and local history societies which operated in the last quarter of the 19th century - the first decade of the 20th century, and there were no women archaeologists. Female archaeology began to form in Kazan only in Soviet times. This situation was due to the granting of social and civil rights to women in the USSR and the elimination of restrictions to obtaining education. The most important factor was the demographic situation in the USSR after two world wars and the Civil War. The author identifies three stages of Kazan female archaeology: the first – 1918–1937; the second – 1938–1950 and the third - 1960s – 1990s. All of them are associated with the activities of three prominent archaeologists: V.F. Smolin, A.P. Smirnov and A.Kh. Khalikov. At the first stage, the first student generation of women archaeologists was formed: Z.A. Akchurina, A.M. Efimova, L.I. Varaksina, born in an atmosphere of revolutionary enthusiasm. At the second stage, mainly in the post-war years, Z.A. Akchurina, A.M. Efimova and O.S. Khovanskaya, who studied with the archaeologist V.V. Holmsten, continued to engage in archaeology, but already on professional level. Their mentor and scientific supervisor was a Moscow archaeologist A.P. Smirnov, almost of the same age. He

managed to create a unique team, which was later replenished with young participants - students of the post-war generation: T.A. Khlebnikova, N.D. Aksenova. It was they who continued and strengthened the Kazan feminine archaeology, although at the third stage it faded into the background, supplanted by the purposeful assertion of the masculine basis of archaeology in the TASSR. But at the same time, the number of women archaeologists in Kazan archaeology was rather large, which, according to the author, reflected the same demographic consequences of the Second World War. One of the features of the Kazan feminine archaeology of this period was gender apprenticeship.

Keywords: archaeology, Kazan archaeology, gender studies in historical science, Bolgaristics, feminine archaeology, A.P. Smirnov, A.Kh. Khalikov, O.S. Khovanskaya, A.M. Efimova, Bogar.

Изучение проблем гендера в гуманитарных дисциплинах в европейской науке получило распространение в последней трети XX в. (Пушкина, 2007, с. 5; Репина, 2011, с. 503, 504). В настоящее время это обширная область исследований со своей методикой и подходами (Скотт, 2001). Из круга проблем, которые изучаются в рамках гендерных штудий, можно выделить темы, связанные с участием женщин в археологических исследованиях. К сожалению, гендерные аспекты археологии в России в целом и в Татарстане в частности до сих пор специально не рассматривались. В биографических очерках, посвященных ученым-археологам, как правило, акцент делается на научную деятельность, что, впрочем, типично и для историографии в других областях гуманитарных наук. Личные отношения, подробности общественной жизни и т. п. иногда освещаются в воспоминаниях самих ученых, их коллег, хотя довольно скупо (Голдина, 1996; Матвеева, 1998). Жизнь ученых-гуманитариев вне научной сферы, их личное пространство только в последнее время стали привлекать внимание исследователей (Вторая муза..., 2003; Сидорова, 2017, с. 11–132).

История «феминной археологии» в России еще не написана. Впрочем, историки науки достаточно давно обратили внимание на выдающуюся исследовательницу-археолога второй половины XIX – начала XX в. графиню П.С. Уварову, председателя Московского Археологического общества, почетного члена Петербургской Академии наук. Опубликованы ее воспоминания, которые рисуют яркий образ деятельной и творческой натуры, человека, глубоко заинтересованного в науке и преданного ей (Уварова, 2005). Безусловно, оказаться в «высшем эшелоне» российской археологии для графини стало возможным благодаря ее мужу – графу А.С. Уварову, но после его смерти Прасковья Сергеевна стала не только продолжательницей его дел, но и смогла эффективно развивать его начинания (Серых, 2014, с. 56–60). Отметим, что при всем

при этом ее деятельность как ученого-археолога в историографических штудиях теряется в тени ее супруга: в выделенном учеными-историографами «уваровском и постуваровском периодах» истории отечественной археологии графиня упоминается всего лишь один раз (Лебедев, 1992, с. 215).

Во второй половине XIX – начале XX в. в составе различных Археологических обществ в России, за исключением Московского, где председателем была П.С. Уварова, в том числе и в одном из самых статусных – Русском Археологическом обществе, также как и среди участников Всероссийских археологических съездов, женщин не было (Жебелёв, 2017, с. 173–640; Серых, 2014, с. 165–171, прил. 2). Ситуация стала меняться только в начале XX в. Так, в 1910-х гг. в РИМ стала работать ученица В.А. Городцова – В.В. Гольмстен, первый и, видимо, единственный представитель разночинского сословия в дореволюционной России женского пола, ставшая профессиональным археологом, хотя вместе с ней в Московском Археологическом институте (с 1907 г.) училось еще несколько женщин (Кузьминых и др., 2007, с. 8, 9). Таким образом, отчет «женской истории российской археологии» можно начинать с первых десятилетий XX в.

В Казанской губернии до 1917 г. участие женщин в археологических изысканиях неизвестно. Однако по документам можно установить, что такие случаи все же имели место. Так, в 1904 и 1905 гг. на археологические обследования городища Иски-Казань, которые проводил П.А. Пономарев, член ОАИЭ, выезжала Ю.М. Хомякова – выпускница Родионовского института в Казани, а в те годы слушательница Московских высших женских курсов Герье (кстати, здесь же в 1914 г. училась В.В. Гольмстен (Кузьминых и др., 2007, с. 13)). Она помогала ему в подготовке к экспедиции и в дальнейшей обработке материалов¹.

До 1917 г. в Казанской губернии археологические штудии в основном были связаны с университетом, точнее, с двумя Обществами,

которые функционировали при нем, являясь, по существу, частью университетской корпорации. Это Общество археологии истории и этнографии (ОАИЭ) и Общество естествоиспытателей (ОЕ) (Руденко, 2014, с. 288–297, 300–304; Сидорова, 2014). В работе ОЕ женщины участия не принимали. А за весь период существования ОАИЭ (1878–1932) в нем состояли в разных статусах только 18 женщин. Это 3% от 616 человек – общего числа членов Общества за весь период его функционирования. Причем большинство женщин – 13 человек (72%) – стали его членами в 1918–1923 гг. (Сидорова, 2014, с. 192–245, № 5, 88, 156, 250, 305, 345, 370, 404, 462, 474, 541, 560, 569). То есть до октября 1917 г. в составе ОАИЭ было лишь несколько женщин, и то в основном получавшие членство вместе со своими мужьями. Накануне Октября 1917 г. почетным членом ОАИЭ стала графиня П.С. Уварова. Это совпало с организацией в Казани Северо-Восточного археологического и этнографического института (Кузьминых, Смирнов, 2015, с. 217), в котором после Гражданской войны стали читаться курсы по археологии как для мужчин, так и для женщин.

Появление женщин в ОАИЭ в 1918–1919 гг. во многом было связано с позицией профессора Казанского университета Б.Ф. Адлера, который в 1918–1922 гг. был председателем ОАИЭ, а с 1919 г. еще и директором Казанского музея (ЦМТР). В эти годы в состав Общества вошли: В.В. Овчинникова (преподаватель КГУ), О.А. Цветкова (студентка), Л.М. Поздеева, В.Н. Харузина. Последние две были этнографами. «Этнографическая женская группа» в ОАИЭ усилилась при преемнике и ученике Б.Ф. Адлера – этнографе Н.И. Воробьеве, сменившем его на посту директора ЦМТР. С 1922 по 1926 г. членами ОАИЭ стали этнографы, сотрудницы музея: Е.Э. Адольф, Ц.И. Малкина, М.С. Губайдуллина; музейный работник и археолог Л.И. Вараксина, а также жертвовательница музейных коллекций – бывшая помещица Е.В. Молодцова. Разночинско-пролетарский состав ОАИЭ в эти годы пополнился студенткой рабфака КГУ С.А. Козловой и некими О.И. Силиной и Л.Н. Селищевой. Таким образом, кроме почетного члена Общества П.С. Уваровой за все время его существования археолог-женщина была одна – Л.И. Вараксина, которая принимала участие в полевых археологических работах под руководством В.Ф. Смолина в 1920-х гг.

Таким образом, активное включение женщин в археологическую жизнь в Казан-

ском крае произошло после 1917 г., что связано, с одной стороны, с демократизацией высшего образования, следствием чего стало увеличение числа девушек-студенток в вузах, с другой – с потерями мужской части населения в период Первой мировой и Гражданской войн.

Первое поколение женщин-археологов в Казани сложилось во второй половине 1920-х гг. Связано оно с именем археолога профессора В.Ф. Смолина, который создавал экспедиционный коллектив из молодых людей – студентов-археологов из Казанского университета и Восточного педагогического института, где у него был археологический кружок. Студенты посещали лекции, участвовали в семинарах и археологических экскурсиях. Среди тех, кто был в археологическом кружке и кто впоследствии связал свою жизнь с археологией, было трое девушек: З.А. Акчурина, Л.И. Вараксина, А.М. Ефимова (Кузьминых, 2004, с. 13). В тот момент у них не было каких-либо знаний об археологической науке, и В.Ф. Смолин начал обучение «с чистого листа».

Можно сказать, что это был первый этап феминной истории казанской археологии (1918–1937). Именно в эти годы формировался уникальный характер будущих женщин-археологов – в чем-то здесь сказался дух постреволюционной эпохи, в чем-то проявились личные черты характера. Новый взгляд на мир и будущее страны и даже всего человечества, сопровождавшийся духом феминизма, был характерен для советских девушек 1920-х гг. В своих воспоминаниях казанский историк В.И. Адо отметил, что его будущая жена – А.М. Ефимова отдала дань этому: после замужества оставила девичью фамилию, в семье она и супруг общались на равных и даже сына называли в честь наркома просвещения Анатолия Васильевича Луначарского (имя и отчество совпадали), искренне веря в идеи коммунизма (Руденко 2010, с. 87, 88). Предопределило эту ситуацию происхождение Александры Михайловны – из семьи мелких служащих, как и проживание в крупном городе – Казани, учеба в вузе. Археология, как мне представляется, была в те годы для А.М. Ефимовой данью женской эмансипации, и участие в экспедициях, до начала работы в музее в конце 1930-х гг., – в большей степени декларацией личного суверенитета и жизненной позиции – быть борцом в «строительстве» нового человека и светлого будущего, меняя себя и окружающий мир, ища свое место в этом мире.

В Александре Михайловне удивительным образом сочетались идеалы общественницы и чувства женщины-матери, любимой и любящей супруги, хранительницы дома и семьи. Дух семьи поддерживался А.М. Ефимовой и в долгие годы расставания с мужем во время войны, когда она осталась одна с сыном-школьником, и все время после того, как выросший сын уехал учиться в Москву. В послевоенные годы женская чувственность заставляла ее мучиться и страдать – прежде всего от внешней непривлекательности: жизнь в тылу была тяжелейшей. Александра Михайловна выглядела изможденной и старой, о чем она с горечью писала мужу, переживая, что он ее может разлюбить и бросить. Уход в науку позволял отвлечься от тягостных дум и депрессии. Но вместе с абстрактным научным миром сознание занимали и остатки довоенного феминизма, сопричастности с судьбой страны и мира, пережившего страшное испытание. Это толкало ее к общественной деятельности, активности на работе в музее, хотя такая загруженность была, как нам кажется, больше ответом на отъезд сына из Казани после окончания школы и конфликты в музейном коллективе. Это больше всего приносило переживаний и боли.

Иной путь привел О.С. Хованскую, дочь дворянина, княгиню, получившую высшее образование, в археологию. Потерявшая после революции практически все и даже возможность полноценной жизни в обществе, она отстаивала свое право на личное счастье, проявляя высочайшую твердость духа и стойкость (Руденко. 2010, с. 21, 22, 27–31). Обладая яркой внешностью, образованная, настойчивая, с потрясающей силой воли, будучи к тому же многодетной матерью с малолетними детьми, она несла на себе тяжелейший груз ответственности за семью, теряя одного за другим, сначала мужа, затем отца, умерших от переживаний и лишений в начале 1940-х гг. До работы в ЦМТР археология была для нее эпизодом, возможностью заработать и отвлечься от жизненных проблем. Попав в круговорот послевоенных экспедиций (дети к тому времени выросли и не требовали постоянной опеки), археология стала для Ольги Сергеевны способом быть сопричастной с великими задачами Советской Отчизны, областью, где она могла приложить все свои знания, талант, который она открыла в себе, накапливая опыт полевых раскопок. «Толкали» ее в археологию воспоминания детства и юности, причудливо трансформируясь то в

романтические видения, то в интереснейшие нюансы научных штудий (Руденко, 2021, с. 5–23).

Страстную привязанность к археологии продемонстрировала З.А. Акчурина, происходившая из весьма известной до революции семьи татарских предпринимателей и торговцев Акчуриных. Трудно объяснить, почему Зулейха Асфандияровна на протяжении всей своей жизни преданно служила археологии, не стремясь ни к карьерному росту, ни к славе, ни к деньгам. Она была идеальным полевым исследователем – внимательная, аккуратная, строгая. Самые сложные раскопки, самые сложные маршруты разведок – все у нее получалось. Ее скрупулезность и ответственность позволяли находить выход из самых критических ситуаций. Так, в 1946 г., не завершив раскоп, уехал из Болгар Н.Ф. Калинин, и З.А. Акчурина смогла профессионально довести работы до конца и подготовить научный отчет (Руденко, 2021, с. 117). Надежные, честные, бескорыстные – так характеризовала З.А. Акчурину и ее коллег по экспедиции в Болгарах Н.Д. Аксенова спустя многие годы (Аксенова, 2010, с. 32, 33).

Л.И. Варакина из первого поколения женщин-археологов в 1930-х гг. стала заниматься археологическим вещеведением, что, вероятно, диктовалось ее работой в музее, и в 1940–1950-х гг. участия в полевых работах она не принимала.

Второй этап (1938–1950-е) казанской феминной археологии связан с московским археологом А.П. Смирновым. Начав работы на Болгарском городище в конце 1930-х гг., он опирался на повзрослевших учениц В.Ф. Смолина и В.В. Гольмстен. Для А.П. Смирнова его новые коллеги были практически ровесниками, что существенно облегчало общение и взаимопонимание. Это были женщины среднего возраста, сотрудники Государственного музея Татарии – О.С. Хованская, А.М. Ефимова – и ИЯЛИ КФАН СССР – З.А. Акчурина. У всех у них уже был опыт археологических работ.

Интересно, что с ними в то же время сотрудничал и местный археолог Н.Ф. Калинин, к тому же их сослуживец по ЦМТР. Но с ним взаимопонимания не было. Николай Филиппович, как писала Н.Д. Аксенова, был индивидуалистом в работе (Аксенова, 2010, с. 23). Женщин-коллег в музее он воспринимал не как серьезных и самостоятельных исследователей, а лишь как помощников, которые должны были выполнять исключительно черновую работу. То же самое он впоследствии транс-

лировал на систему наставничества в разведках 1946, 1948 и 1949 гг. по Татарии (Руденко, 2021, с. 307). Ставку Н.Ф. Калинин делал на выбранных им лидеров из студентов университета, но видел в этой роли только юношей и мужчин, хотя «отступничество» студенток, уезжавших в экспедиции А.П. Смирнова, он воспринимал очень болезненно и сильно переживал по этому поводу. Николай Филиппович считал их «своими», которых нужно опекать и контролировать, но за это он требовал от них абсолютной преданности. Показательно, что из студенток КГУ, посещавших университетский археологический кружок в конце 1940-х гг. и ездивших с Н.Ф. Калининным в экспедиции в течение нескольких сезонов, О. Стародомской, Р. Девликамовой, М. Стенченко-Откупщиковой никто не стал археологом, а Т. Хлебникова и Н. Аксенова, оставшиеся в археологии, ушли по окончании университета к А.П. Смирнову. Традиционных взглядов на роль женщины в «мужских профессиях» Н.Ф. Калинин преодолеть не мог. Судя по «открытым» письмам своим студентам, написанным в периоды депрессии, которые в конце жизни преследовали его все чаще и чаще, это он понимал и сам.

А.П. Смирнов для женщин, работавших с ним в экспедициях в конце 1940–1950-х гг., выступал, с одной стороны, как наставник в научном знании, а с другой – как коллега в экспедиционной работе. Алексей Петрович сумел создать творческую атмосферу археологического образования и самосовершенствования в профессиональной области, основанную, во-первых, на свободе деятельности – каждый из руководителей отрядов экспедиции раскоп вел самостоятельно, и, во-вторых, на практическом взаимообучении – на воскресных обходах. Обходы были своего рода совещаниями, совместными обсуждениями как хода работ на каждом раскопе, в том числе и текущих вопросов в интерпретации полевых наблюдений (идентификация стратиграфических слоев, планиграфии), так и анализа и сопоставления полученных материалов: объектов, артефактов. Здесь же члены экспедиции (участвовать в обходах можно было всем) учились как на успехах, так и на ошибках друг друга. Помимо этого, обходы позволяли закреплять навыки полевых исследований: умение «видеть» слои, «вести» их в ходе вскрытия культурного слоя. Это профессиональное совершенствование – постоянно подчеркивал сам Алексей Петрович в письмах А.М. Ефимовой (Руденко, 2021, с. 314–318).

Очевидно, что гендерные отношения здесь строились на паритетных началах.

Помимо экспедиций научная подготовка коллег Алексея Петровича продолжалась на сессиях в ИИМКе и на музейных конференциях (ГИМ, ГМТР). Значительное количество научных вопросов обсуждалось в письмах, о чем мы можем судить по сохранившейся переписке А.П. Смирнова и А.М. Ефимовой (Руденко, 2021). В конце 1950–1960-х гг. А.П. Смирнов стал научным руководителем Т.А. Хлебниковой из Казани, поступившей в аспирантуру ГИМ, М.Г. Ивановой из Ижевска и Э.А. Савельевой из Сыктывкара², учившихся в аспирантуре Института археологии АН СССР. Нашел он преданного и глубоко уважающего его и археологию специалиста для Болгарского музея-заповедника – Н.Д. Аксёнову из Казани, проходившую археологическую практику в его экспедиции на Болгарском городище в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Впоследствии она стала заместителем директора по научной работе БГИАМЗ (Аксенова, 2010, с. 25).

Говоря об этом периоде, отметим, что заметна очевидная тенденция, которая сохранилась и в последующем – профессиональными археологами, наряду с мужчинами, становятся женщины молодого возраста, и чаще всего выбор этот делался во время учебы в вузе или сразу по окончании его. Представляется, что во многом это было связано с последствиями Великой Отечественной войны (точнее двух мировых и гражданской войн) – катастрофическая убыль в СССР мужского населения и преобладание женского. Но, помимо этого, свою роль сыграла и советская система образования, где не было гендерных ограничений. В вузах была введена обязательная полевая археологическая практика для студентов гуманитарных факультетов (вместе с курсом археологии). Кроме того, стать археологом (впрочем, как и овладеть любой другой специальностью, считавшейся мужской, например, геологией) для советских женщин было воплощением сложившихся к 1950-м гг. принципов гендерного равенства и признанием их равноправными строителями социализма-коммунизма. Тем не менее в археологической науке были и свои нюансы. Так, в казанской археологии определился своего рода маскулинно-центристский вектор гендерной стороны науки. Лидерами здесь были мужчины.

Третий этап феминной истории казанской археологии (1960–1990-е) связан с А.Х. Халиковым. В 1960–1970-х гг. Альфред Хасанов

вич опирался в основном на студенческую молодежь из обучавшихся на истфилфаке КГУ студентов, посещавших археологический кружок и почувствовавших «романтику» науки на археологической практике. А.Х. Халиков чаще всего делал ставку на юношей, которые и оставались в профессии, хотя в его экспедициях, как и в экспедициях его коллеги В.Ф. Генинга, обучавшегося в конце 1950-х гг. в аспирантуре в Казани, принимали участие и студентки, составлявшие значительную часть учившихся в университете и в педагогическом институте. Отметим, что с начала 1960-х гг. Альфред Хасанович вел разработку больших научных тем совместно с супругой Е.А. Безуховой (Халиковой), поддерживавшей его во всех замыслах.

Количество женщин в руководимых А.Х. Халиковым подразделениях (отдел археологии в ИЯЛИ КФАН СССР, учебный музей археологии при кафедре истории СССР в КГУ) было невелико. Это имело объективные причины: прежде всего ограниченное число штатных единиц, вследствие чего предпочтение отдавалось мужчинам. Тем не менее к 1980-м гг. треть сотрудников отдела археологии ИЯЛИ КФАН составляли женщины. При этом ограничения в инкорпорации женщин в академические структуры казанской археологии, что, впрочем, было общей тенденцией в СССР (Труд, семья, 1990, с. 7), привели в 1990-х гг. к довольно своеобразной ситуации гендерного ученичества: передаче научных знаний и овладению профессиональными знаниями в археологии от женщины к женщине, например, Т.А. Хлебникова – Н.А. Кокорина или А.Г. Петренко – Г.Ш. Асылгараева (Руденко, 2014, с. 592, 596, 626, 647, 674, 675).

Роль женщин-археологов в академических учреждениях РТ несколько изменилась во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. с появлением в НЦАИ АН РТ грантовых проектов, где женщины становились ответственными исполнителями или научными руководителями – А.Г. Петренко, М.Ш. Галимова. Впрочем, это практически не затрагивало экспедиционную работу, где с начала 1960-х гг. женщины-археологи руководили отдельными экспедиционными отрядами: в 1960–1970-х гг. – С.В. Морозова, Т.А. Хлебникова, Е.А. Халикова; с 1970-х гг. – Н.А. Кокорина, Г.И. Дроздова; с 1980-х гг. – М.Ш. Галимова. Начиная с середины 1970-х гг. Болгарской отряд Поволжской археологической экспедиции почти 20 лет возглавляла Т.А. Хлебникова (в 1990-х гг. ее сменил Р.Ф. Шарифуллин); а в

это же время заместителем директора Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника по научной работе была Н.Д. Аксенова. Эти позиции в начале 1970-х гг. были определены А.П. Смирновым. Кроме того, успеху такой феминной кооперации способствовали как их совместная учеба в университете, так и дружеские отношения на протяжении многих лет.

Таким образом, выделенные нами периоды феминной истории казанской археологии непосредственно связаны с деятельностью археологов-мужчин – лидеров и организаторов исследований. В XX в. – В.Ф. Смолина, А.П. Смирнова и А.Х. Халикова (Руденко, 2014, с. 612, 613, 639, 640, 645, 646), которые во многом предопределяли особую гендерную ситуацию в этой области науки. Постоянное пополнение рядов казанских археологов женщинами-археологами во 2–3 четв. XX в. обусловлено, в первую очередь, демографической ситуацией в СССР в 1920–1980-е гг.; во-вторых, конституционным закреплением равноправия женщин и мужчин в СССР, в том числе в образовании, в политических и гражданских правах; в-третьих, общественной «атмосферой» в стране – сначала революционно-культурным подъемом 1920-х гг., мечтой о «перековке» себя в нового человека на пороге Всемирной Революции через стремление к чему-то неизведанному, революционному, открывающему тайные миры прошлого, а во второй половине 1940-х гг. – патриотическим энтузиазмом послевоенного времени, когда археология позиционировалась как базисное знание в постижении социально-политических и этнокультурных трансформаций прошлого, важных для воссоздания подлинной картины ушедших времен для предвидения грядущих ступеней в строительстве социализма; в-четвертых, феминность казанской археологии подпитывалась естественным процессом научной коммуникации в рамках складывания научных направлений болгаристики в 1950–1960-е гг., наиболее устойчивой из которых в этом отношении оказалась археологическая школа А.П. Смирнова; в-пятых, это-мотивация: самоутверждение, борьба за гендерное равноправие, «социальный лифт», романтика археологии, пример коллег-женщин в археологии, преемственность (ученичество). Нельзя сбрасывать со счетов и индивидуальные черты характера каждой из женщин-археологов, кто своим беззаветным трудом и самоотверженностью выстраивал современное здание казанской археологии.

Примечания:

¹ Благодарю И.В. Порфирьеву за возможность ознакомиться с материалами семейного архива.

² URL: Элеонора Савельева: "Жить и работать по-другому я не умею" (finpouologia.ru) (обращение 03.07.2021).

ЛИТЕРАТУРА

Аксенова Н.Д. Любовь моя – Болгары. Воспоминания, научные работы. Казань: Заман, 2010. 176 с.
Вторая муза историка: неизученные страницы русской культуры XX столетия / Сост., коммент. А.А. Сванидзе. М.: Наука, 2003. 782 с.

Голдина Р.Д. Силуэты растаявших веков: (О работе Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского университета). Ижевск: Удмуртия, 1996. 211 с.

Жебелёв С.А. Русское археологическое общество за третью четверть своего существования 1897–1921. Исторический очерк. Приложение: Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924). 2-е изд. М.: Индрик, 2017. 672 с.

Кузьминых С.В. Виктор Федорович Смолин. Казань: Казан. ун-т, 2004. 30 с.

Кузьминых С.В., Смирнов А.С. Археология в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте // Поволжская археология. 2015. №1 (11). С. 214–240.

Кузьминых С.В., Сафонов И.Е., Сташенков Д.А. Вера Владимировна Гольмстен: материалы к биографии. Самара: Офорт, 2007. 168 с.

Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700–1971 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. 464 с.

Матвеева Г.И. Экспедиция в прошлое. Записки археолога. Самара: Самар. регион. фонд «Полдень. XXII век», 1998. 160 с.

Пушкарева Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алатейя; АНО «Женский проект СПб.», 2007. 496 с.

Ретина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.

Руденко К.А. Археология XX века: две жизни — две судьбы: О.С. Хованская и А. М. Ефимова. Казань: МОиН РТ, 2010. 176 с.

Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X–XIII вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2014. 768 с.

Руденко К.А. Казанские археологи в первые годы после Великой Отечественной войны (1945–1949) (по материалам переписки А. П. Смирнова и А. М. Ефимовой). Казань: Школа, 2021. 476 с.

Руденко К.А. Ольга Сергеевна Хованская: страницы биографии // Хованская О.С. Труды по археологии. Казань: Школа, 2021. С. 5–23.

Серых Д.В. Всероссийские Археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX вв. Казань: Отечество, 2014. 188 с.

Сидорова И.Б. Ученое братство: Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1879–1931 годы). Ч. 1. Казань: Отечество, 2014. 264 с.

Сидорова Л.А. Советские историки: духовный и научный облик. М.: ИРИ РАН, 2017. 248 с.

Скотт Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа // Ведение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С. В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алатейя, 2001. С. 405–436.

Труд, семья, быт советской женщины / Отв. ред. С.В. Поленина. М.: Юрид. лит-ра, 1990. 432 с.

Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни / Труды ГИМ. Вып. 144. М.: ГИМ, 2005. 336 с.

Информация об авторе:

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный институт культуры (г. Казань, Россия); murziha@mail.ru

REFERENCES

Aksenova, N. D. 2010. *Liubov' moia – Bolgary. Vospominaniia, nauchnye raboty (My Beloved Bolgar. Memories, Scientific Papers)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).

Svanidze, A. A. (comp.) 2003. *Vtoraia muza istorika: neizuchennye stranitsy russkoi kul'tury XX stoletiiia (The Second Muse of the Historian: Unexplored Pages of Russian Culture of the 20th Century)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Goldina, R. D. 1996. *Siluety rastaavshikh vekov: (O rabote Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Udmurtskogo universiteta) (Силуэты растаявших веков: (О работе Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского университета))*. Izhevsk: “Udmurtiia” Publ. (in Russian).

Zhebelev, S. A. 2017. *Russkoe arkheologicheskoe obshchestvo za tret'iu chetvert' svoego sushchestvovaniia 1897–1921. Istoricheskii ocherk. (Russian Archaeological Society in the Third Quarter of Existence in 1897–1921. Historical Sketch.)*. Moscow: “Indrik” Publ. (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 2004. *Viktor Fedorovich Smolin (Viktor Fedorovich Smolin)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Smirnov, A. S. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 11 (1), 214–240 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Safonov, I. E., Stashenkov, D. A. 2007. *Vera Vladimirovna Gol'stem: materialy k biografii (Вера Владимировна Гольмстен: материалы к биографии)*. Samara: “Ofort” Publ. (in Russian)

Lebedev, G. S. 1992. *Istoriia otechestvennoi arkheologii. 1700–1971 gg. (History of National Archaeology)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).

Matveeva, G. I. 1998. *Ekspeditsiia v proshloe. Zapiski arkheologa (Экспедиция в прошлое. Записки археолога)*. Samara: “Polden”. XXII vek” Publ. (in Russian).

Pushkareva, N. L. 2007. *Gendernaia teoriia i istoricheskoe znanie (Гендерная теория и историческое знание)*. Saint Petersburg: “Aleteiia” Publ., “Zhenskii proekt” Publ. (in Russian).

Repina, L. P. 2011. *Istoricheskaiia nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaia praktika (Historical Science at the Turn of the 21st Century: Social Theories and Historiographic Practice)*. Moscow: “Krug” Publ. (in Russian).

Rudenko, K. A. 2010. *Arkheologiia XX veka: dve zhizni – dve sud'by: O.S. Khovanskaya i A. M. Efimova (Archaeology of the 20th Century: Two Lives – Two Destinies: O.S. Khovanskaya and A.M. Efimova)*. Kazan: Ministry of Education and Science of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Rudenko, K. A. 2014. *Istoriia arkheologicheskogo izucheniia Volzhskoi Bulgarii (X – nachalo XIII v.) (History of Archaeological Studying of Volga Bulgaria (10th — the Beginning of the 13th Century))*. Kazan: “Shkola” Publ.

Rudenko, K. A. 2021. *Kazanskii arkheologi v pervye gody posle Velikoi Otechestvennoi voiny (1945–1949) (po materialam perepiski A. P. Smirnova i A. M. Efimovoi) (Kazan Archaeologists in the First Years after the Great Patriotic War (1945-1949) (Based on the Correspondence of A.P. Smirnov and A.M. Efimova))*. Kazan: “Shkola” Publ.

Rudenko, K. A. 2021 In Khovanskaya, O. S. *Trudy po arkheologii (Works on Archaeology)*. Kazan: “Shkola” Publ., 5–23 (in Russian).

Serykh, D. V. 2014. *Vserossiiskie Arkheologicheskie sezdy kak forma organizatsii otechestvennoi arheologicheskoi nauki vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. (All-Russian Archaeological Congresses as a Form of Organization of Russian Archaeological Science in the Second Half of the 19th - Early 20th Centuries.)*. Kazan: “Otechestvo” publ. (in Russian).

Sidorova, I. B. 2014. *Uchenoe bratstvo: Obshchestvo arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (1879–1931 gody) (Academic Brotherhood: Society of Archaeology, History and Ethnography under Kazan University (1879–1931))* 1. Kazan: “Otechestvo” Publ. (in Russian).

Sidorova, L. A. 2017. *Sovetskie istoriki: dukhovnyi i nauchnyi oblik (Soviet Historians: Spiritual and Scientific Image)*. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Skott, J. 2001. In Zherebkin, S. V. (ed.). *Vvedenie v gendernye issledovaniia (Introduction to Gender Studies)* 2. Kharkiv; Saint Petesdburg: “Aleteiia” Publ., 405–436 (in Russian).

Polenina, S. V. (ed.). 1990. *Trud, sem'ia, byt sovetskoii zhenshchiny (Labor, Family, Everyday Life of a Soviet Woman)*. Moscow; “Iuridicheskaya literature” Publ. (in Russian).

Uvarova, P. S. 2005. *Byloe. Davno proshedshie schastlivye dni (The Past. Long Gone Days of Happiness)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 144. Moscow: State Historical Museum (in Russian).

About the Author:

Rudenko Konstantin A. Doctor of Historical Sciences. Professor, Kazan State Institute of Culture. Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation; murziha@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.
Статья принята к публикации 01.10.2021 г.